

Индекс УДК 811.511

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-133-147

М.К. РАСКЛАДКИНА*

Этноязыковая идентичность современных потомков аляскинских креолов

Русская речь зазвучала на североамериканском континенте с середины XVIII в., когда Россия начала активную торгово-промысловую деятельность, постепенно продвигаясь на восток по островам Алеутской гряды до полуострова Аляска. Первое время российские вояжи за морским и пушным зверем были несистемными, главная идея промышленников состояла в обогащении за счёт ресурсов новой земли. Их обращение с коренными жителями было достаточно суровым, направленным на эксплуатацию их охотничьих и рыболовецких умений и навыков. Должны были пройти десятилетия, прежде чем наиболее идейным и дальновидным россиянам пришла мысль, что на новой территории можно быть не гостями, а хозяевами. Объединившись, они создали в 1799 г. Российско-американскую компанию (РАК), единоначально управлявшую Аляской до уступки её Соединённым Штатам Америки. Покинув в 1867 г. свою единственную заморскую колонию, Россия оставила там главное: русский язык, который в результате контактов с языками коренных народов сформировал особый местный извод, сохранившийся до нашего времени, и русскую православную традицию, которой и поныне привержены жители многих территорий Аляски.

Исследование посвящено сохранению этноязыковой идентичности потомков русских колонистов. Оно базируется на корпусе социолингвистических и этнографических интервью (1980-е – 2020-е гг.) с жителями мест интенсивного русского присутствия, подкреплено архивными материалами. Придерживаясь подходов лингвистической и исторической антропологии, автор использует как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод, а также метод контент-анализа.

Ключевые слова: Аляска, Русская Америка, Кадык, русский язык, русское наследие на Аляске, креолы, коренные языки Аляски, аляуик, идентичность

Главной идеей Григория Шелихова, основавшего в 1784 г. первое постоянное поселение на Кадыкском

архипелаге, было распространение русской культуры и укрепление русского влияния на территории заморской ко-

* **Раскладкина Марина Константиновна** — кандидат политических наук, ведущий специалист Инженерно-технологического центра «СКАНЭКС». E-mail: marina.raskladkina@gmail.com

Ил. 1. Карта поселений пенсионеров Русской Америки

лонии России. Для реализации этой цели Российско-американская компания (РАК) сделала «кадровую» ставку на подрастающих детей своих работников от браков с женщинами коренных народов (алеутов, эскимосов, атабасков). Эти дети дали начало особому этносоциальному сословию аляскинских креолов.

В других районах североамериканского материка креолами назывались потомки выходцев из Европы, родившиеся в колониях Франции, Испании, Португалии в Новом свете [1, с. 237]. Однако на Аляске другого названия для потомков переселенцев и местных не встречалось. Потому появившийся здесь термин «креол» позже стал означать не просто потомков представителей двух народов (русского и какого-либо из аборигенных), но в силу определённых социальных функций, возложенных на его носителей, стал рассматриваться не в этнической, а в этносоциальной плоскости [2]. Креолы обучались в школах и церковно-приходских училищах, организованных на Аляске, знали как минимум два языка: местный вариант русского и язык матери. Они осваивали ремёсла и квалифицированные профессии, такие как судостроение, механика. Компания отправляла наиболее

способных в Россию в навигацкие и медицинские школы, духовные училища, а затем брала на службу, обеспечивая социальную мобильность [3, с. 74–89].

В 1821 г., когда российское правительство продлевало полномочия Российско-американской компании на очередной 20-летний срок, креолов причислили к «колониальным подданным России», освободили от повинностей и уплаты налогов. В 1835 г. было создано свободное сословие «колониальных граждан», к которому относились те русские, кто уже по состоянию здоровья не мог работать на Компанию, обзавёлся семьёй и в Россию возвращаться не собирался. Дети от браков колониальных граждан и креолок стали называться колониальными поселенцами [4, с. 209–222]. Этим семьям Компания предоставляла возможность обустроиться в одном из специально отведённых мест: на Кадыкском архипелаге — в селениях Афогнак и Узинки [5, с. 39] и на Кенайском полуострове в селении Нинильчик [6] (ил. 1).

Колониальное руководство рассчитывало, что поселенцы будут заниматься огородничеством, скотоводством, предоставляло им оборудование и инвентарь,

Ил. 2. Церковь Преображения Господня в Нинильчике.
Фото сделано Спиридоном Ашем, потомком кадьякских креолов

платило пенсию в первый год и предполагало, что в дальнейшем граждане смогут не только самостоятельно обеспечивать себя, свои семьи, но и снабжать другие территории Русской Америки сельскохозяйственными продуктами.

По разным причинам идея снабжения колонии оказалась несостоятельной. Однако в этих поселениях сложился определённый жизненный уклад, формирующий идентичность: русскоговорящее сообщество, особенности быта, культурный контекст, приоритетно связанный с православной религией. По мнению исследователей, «охранительный» характер отношений Русской Православной церкви (ил. 2) с аборигенной культурой привёл к тому, что православие «срослось» с ней, сформировав уникальный институт коренных жителей Аляски, что позволило на многих её территориях успешно противостоять другим религиозным конфессиям (см., напр.: [7, 8]). Это привело к тому, что православие в настоящее время является одной из главных религий на Аляске (бо-

лее 5% населения штата — православные христиане, действует около 90 приходов, 35 священников, в некоторых поселениях доля православных достигает 98%) [9].

Русский язык к концу XX — началу XXI в. фрагментарно сохранился в памяти нескольких десятков пожилых людей¹. Он давно уже не выполняет функции общения, а является частью культурной памяти, основой идентичности потомков русских колонистов Аляски [10]. Эти люди и их этноязыковая идентичность стали предметом настоящего исследования.

Источниковая база

Основой нашего исследования является корпус социолингвистических и этнографических интервью, сформированный по материалам российских полевых экспедиций 1997–2021 гг. (исследовательская группа «Лингвистические и социокультурные исследования на Аляске» — М.Б. Бергельсон, А.А. Кибрик, М.К. Раскладкина)² [11] и 2008–2009 г. (Е.В. Головкин) [12], а также по архивным данным ряда американских

¹ Следует отличать русский язык, сформировавшийся на территории Русской Америки (аляскинский русский язык), от языка современных переселенцев и языка староверов (Old Believers).

² Экспедиции поддержаны грантами РГНФ (РФФИ), РНФ.

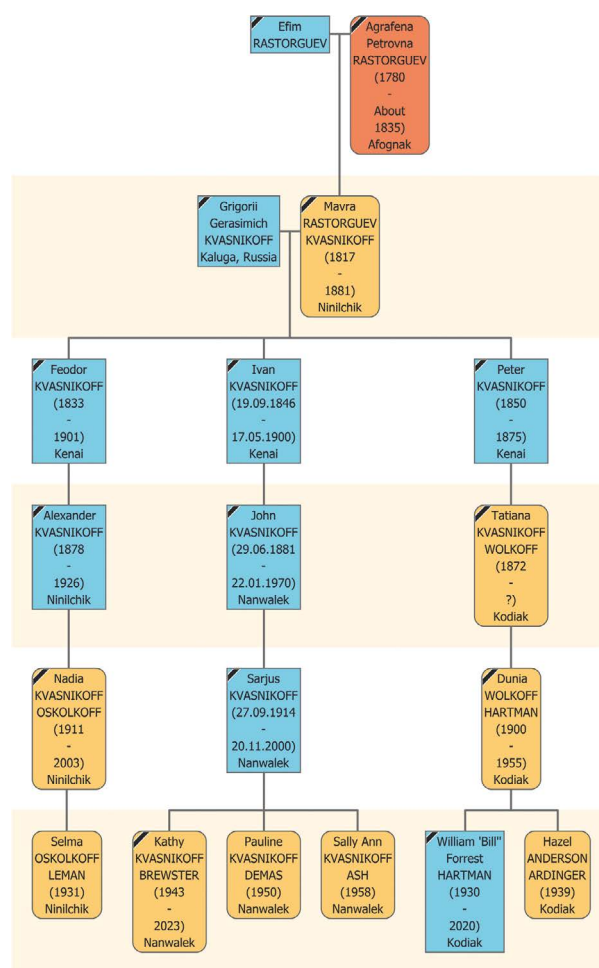
проектов сохранения культурного наследия народов Аляски¹. Корпус включает аудиозаписи бесед с жителями мест, в которых во время Русской Америки отмечалось интенсивное русское присутствие, и составляет около 190 часов.

Идентичность и жизненный выбор: Нинильчик vs Кадьяк

Нинильчик был основан последним из «пензионерских» поселений, когда для реализации идей Компании места для свободного проживания в Афогнаке и Узинках уже не осталось. Он возник в 1840-е гг. вблизи традиционных земель атабасков денайна, однако сведений о каких-либо контактах между ними и поселенцами не обнаружено [6, с. 248–249]. Первыми постоянными жителями стали несколько русско-креольских семей, прибывших из различных мест Русской Америки. Свою задокументированную родословную нинильчикцы ведут от уроженки Афогнака Аграфены Петровны и её мужа Ефима Расторгуева [13]. Её дочь Мавра с мужем Григорием Квасниковым считаются первопоселенцами Нинильчика (ил. 3).

Нинильчикцы жили небольшой изолированной, постепенно разраставшейся общиной достаточно долго. После продажи Аляски почти 20 лет ни один корабль не заходил в залив Кука [14, с. 57]. Американцы стали осваивать территорию только в начале XX в. В 1910 г. была открыта государственная американская школа, в 1925 г. — авиасообщение.

Респонденты, родившиеся в первой четверти XX века, сохранили воспоминания, что большинство жителей Нинильчика всегда очень чётко осознавали и культивировали свою «русскость» и максимально дистанцировались от аборигенных корней (*native*). Этот феномен требует дополни-

Ил. 3. Фрагмент генеалогического дерева шести поколений аляскинских креолов Кадьякского архипелага и Кенайского полуострова

тельного изучения. Мы можем лишь предположить, что на его возникновение и сохранение повлиял первоначальный состав поселенцев, а также продолжительное отсутствие контактов с другими коренными народами, и тем более — создание смешанных с ними семей.

Против тех, кто всё же позиционировал себя как частично *native*, существовали даже некоторые предрассудки:

...Помню, моя мама говорила нам не играть с тем-то, потому что он «native». И я всегда это знала. Мы про-

¹ VOHA Project (2015), URL: <https://voices.nmfs.noaa.gov> (access date: 23.03.2023); Afognak Oral History Project (1983–2005), URL: <https://www.afognak.org/oral-history-archive> (access date: 23.03.2023); UAF Oral history project, URL: <https://library.uaf.edu/aprca/oral-history> (access date: 23.03.2023).

сто думали, что все мы русские. Нас воспитывали по-русски¹ [Sophie Prosser 2014 (Софи Проссер, род. 1923)].

Жизнь русскоязычного сообщества резко изменилась в 1950-е гг., когда через Кенайский полуостров мимо Нинильчика прошло скоростное шоссе [10, с. 70]. Исчезла последняя формальная возможность сдерживать натиск американизации. Дети стали уезжать из деревни в город учиться и работать, вливаться в современную действительность, в которой возможностей сохранять русское наследие оставалось всё меньше.

Серьёзный удар по идентичности нинильчикцев был нанесён в 1971 г., когда был принят так называемый земельный закон, Alaska Native Land Claims Settlement Act. Согласно ему, представители коренных народов Аляски получали право владеть природными ресурсами и получать финансовые средства от управляющих этими ресурсами корпораций. Однако надо было официально подтвердить свой этнический бэкграунд.

...Когда был принят «земельный закон», мне как на голову упало, что, оказывается, я наполовину «native», — вспоминает Барбара (Barbara Jacklin Reymond, род. 1930). — Я не знаю, кто был мой отец, но я всегда знала, кто моя мать [15, с. 88].

Ей вторит сестра по матери Клара (Clara Listrang Robinson, род. 1932):

...Я знала всегда, что во мне есть русское и финское, но никто не говорил мне, что я «native» [там же].

Несмотря на декларирование своих русских корней, практически все уроженцы Нинильчика приняли решение официально признать себя представителями коренных народов. Исходно они произошли от кадьякских эскимосов алютиков. Отринув эти корни вместе с языком и приняв русское наследие, стали креолами. Утратили это название и его смысл с приходом вла-

сти США. Получив американский паспорт, они всё же оставались русскими в душе, постепенно теряя русский язык. И время неожиданно нанесло ещё одну травму, заставляя их за деньги вспомнить о своих аборигенных корнях.

Этот сложный комплекс насильственных обретений и саморазрушений и привёл к тому, что некоторые представители старшего поколения в Нинильчике отказывались от общения с исследователями, от лингвистической работы, от бесед о языке, истории, семье, избегая очередного внутреннего выбора.

Софи Проссер, вновь вспомнив, как учителя в американской школе запрещали говорить по-русски, осознаёт, как этот тяжёлый детский опыт преследует её во взрослой жизни, мешая доверять близким людям.

Я была замужем и уже имела двоих детей, прежде чем призналась Биллу (мужу), что могу говорить по-русски. Я была так смущена. Я ни с кем об этом не говорила. Разве это не грустно? [Sophie Prosser 1999 (Софи Проссер, род. 1923)].

Ситуация в Кадьяке (не только в самом городе, но и в других поселениях архипелага) была существенно иной. Нинильчик, как выше упоминалось, изначально возник на пустом месте как русско-креольское поселение, «белые» американцы стали появляться там примерно к началу XX в., и браки с ними только повышали уровень дистанцирования от *native*. У кадьякцев же, в силу активных межэтнических контактов и миграционных процессов, для культивирования «русскости», свойственной жителям Нинильчика, возможностей было гораздо меньше.

На острове Афогнак русская промысловая артель возникла ещё в 1786 г., практически с началом освоения Г. Шелихо-

¹ Здесь и далее – ссылки на транскрипты интервью, фрагменты которых использованы в настоящей статье, выполнены студентами ОТИПЛ МГУ им. М.В. Ломоносова и Школы филологии НИУ ВШЭ в рамках учебных практик. Используется система транскрибирования, специально разработанная М.Б. Бергельсон и А.А. Кибриком для записи аляскинского русского языка [16]. Перевод фрагментов интервью и англоязычных источников на русский язык – наш. – М.Р.

с русскоязычными работниками торговых постов, которые практически все были русскоговорящими креолами [19]. В архивах Университета Аляски в Фэрбенксе хранится документация Аляскинской коммерческой компании, купившей активы РАК: служебная переписка, охватывающая самый ранний американский период — 1870–1910 гг: отчёты, рапорты, расписки, списки товаров, написанные на аляскинском русском языке¹. Ряд текстов создан предками наших респондентов (ил. 4).

Третье «пензионерское» поселение — Узинки — было основано примерно в 1840 г. В нём изначально поселились 14 креольских семей. Узинки конца XIX — начала XX в. представляли собой подобие русской крестьянской общины, со скотом, курами, садами, огородами, бревенчатыми избами [5, с. 39]. Население, по словам современников, говорило на «ломаном» русском [20, с. 33–34]. С конца 1880-х гг. там заработали консервные заводы, что привлекло в регион сезонных работников, и это в основном были китайцы и филиппинцы [Gladys Chichenoff 1993 (Глэдис Чиченофф, род. 1911)].

Узинки в течение двух первых третей XX в. приняли несколько волн креольских семей из разных мест архипелага, переселявшихся после различных природных катаклизмов и эпидемий [5, с. 259]. Однако там всегда сохранялась группа «исконных алютиков». В алютических семьях говорили преимущественно на алютике, в смешанных — на обоих языках [Gladys Chichenoff 1993 (Глэдис Чиченофф, род. 1911)]. На алютике говорили преимущественно женщины, мужчины — больше по-русски [Nick Pestrikoff 2008 (Ник Пестрикофф, род. 1935)].

Возвращаясь к вопросу этнической идентичности, отметим, что в интервью с жителями Кадыякского архипелага не встречается утверждений, что кто-то считает себя русским и только. Подчёр-

кивая свои исторические корни от двух народов, потомки креолов называют себя «русскими алеутами», «Russian Aleut». Поэтому можно предположить, что кадыякцы сформировали именно такую идентичность, поскольку подавляющее большинство из них в раннем американском периоде были билингвами и росли в смешанных — русско-креольских, креольско-алютических семьях, в отличие от жителей Нинильчика.

Интервьюер: So did your parents actually you said say that they are... they were part Russian part Aleut, right?

Респондент: Russian Aleut yeah —... [Zach Chichenoff 2008 (Зак Чиченофф, р. 1927)].

Практически все респонденты признают, что их объединяет «русское» прошлое как генетически, так и культурно. И в этом состоит их этническая идентичность.

...А потом (э-э) они посадили картофельные грядки | и это было под влиянием России, и == а также в Афогнаке | Узинке и Кадыяке были огромные (э-э) ягодные заросли | малина | и даже сегодня малиновые заросли по всему Афогнаку | Узинках и == и Кадыяку, и (..) нигде больше на острове. И в этом разница между этими тремя деревнями и остальными деревнями. Не хочу сказать, что одно лучше другого | во все нет | за исключением того, что на нас просто по-другому повлияли люди, которые переехали сюда | и (э-э) я вижу это даже сегодня | что (э-э) влияние всё ещё присутствует [Iver Malutin 2003 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Сохранение символических функций языка

Первым аляскинский русский язык в деревне Нинильчик начал изучать аспирант университета Беркли Конор Дейли, написав в 1985–1986 гг. несколько ста-

¹ University of Alaska Fairbanks, Alaska Polar Regions Collection. Guide to the Alaska Commercial Company Records, 1868–1913. Collection number: USUAF3.

тей, которые не были опубликованы (см., напр., [21]). По его приблизительным подсчётам, в то время языком могли владеть 30–40 жителей Кенайского полуострова (жители Нинильчика, Кеная, Хомера, Касилова), родившихся в 1920–1930-е гг., причём самому молодому из носителей языка было около 55 лет. Это количество практически не уменьшилось к 1997 году, когда свои системные исследования начали М.Б. Бергельсон и А.А. Кибрик [11, с. 140]. В 2012 г. носителей, знания которых приближались к фрагментарным, было уже не больше десяти, лишь одна пожилая семейная пара иногда общалась дома по-русски. К 2025 г. осталось 2–3 человека, сохранивших владение нинильчикским диалектом аляскинского русского языка на разном уровне. Единственный полноценный носитель в настоящее время – 94-летняя Сельма Леман (ил. 5).

Что касается Кадьяка, то имеются свидетельства священника-просветителя Майкла Олексы о том, что в 1970-е гг. он встречал там людей, которые в это время могли говорить и писать на трёх языках: русском, аляутике и английском [22, с. 71]. Примечательно, что среди персон, названных им в частной переписке, были имена родителей некоторых наших респондентов.

Конор Дэйли, проводя исследование аляскинского русского в поселениях Кадьякского архипелага, в 1985 г. насчитывал около 10 полноценных носителей языка, с которыми можно было бы вести полевую лингвистическую работу. Практически все они находились в возрасте 65 лет и старше. Примерно столько же, по его мнению, сохранили пассивные знания языка [23]. В 2008 г. Евгений Головкин оценил языковые компетенции своих респондентов следующим образом: по-русски могут говорить только люди старшего поколения: самым молодым носителям русского языка, способным объясняться, около 70 лет; двум самым старшим было 94 и 98 лет, и они говорили совершенно свободно [12]. В 2019 г. Мира Бергельсон

и Андрей Кибрик встретились с двумя последними носителями кадьякского и афогнакского диалектов, которые вскоре скончались (ил. 6–7). Несколько человек на Кадьяке ещё имеют фрагментарные сведения на уровне припоминания отдельных слов и выражений, однако говорящих уже не осталось.

Этот язык в зафиксированном его состоянии уже не выполнял коммуникативных функций, в нём отражены символические функции, иллюстрирующие ценность исторического прошлого, ассоциации с важными периодами и действиями в жизни. Это можно увидеть в тех наборах сохранившихся слов и выражений, которые респонденты произносят по-русски.

...My dad was their krósníy. He took them in | and you know | at one time there was the way | orthodoxy was practiced. If your parents perished | the krósníy would raise them [Sonny Chichenoff 2019 (Сонни Чиченофф, под. 1934)].

...Okay. (Uh)... It's a big pie | like fish | it's a complete meal | and it's called p'irók. P'irók. And they make turnovers. They fill them with fish | or with meat | or sometimes with fruit | but mostly meat and fish | p'irashk'i. P'irashk'i. And when they make bread | at night | my mom used to always make kwashn'a. Kwashn'a. Eggs | or yáyts'i. Beach is láyd'i. The beach is láyd'i. Teeth is zúb'i. Zúb'i. Mind is um. Um. And a lot of these words | that probably duplicate | but I don't even remember that [I write them | so I just write them again] [Iver Malutin 2008 (Айвер Малютин, под. 1931)].

Проявление русской идентичности в языке отражено в интервью с Бетти Лукин (Босковски), рассказавшей о том, что она во время маскарада в Афогнаке неожиданно заговорила по-русски (ил. 8). Никто не предполагал, что Бетти знает русский, поэтому никто и не опознал её под маской. Она использовала русский как тайный язык. Это случилось примерно в 1955–1960 гг. А в её детстве односельчане пели на вечеринках русские песни – вспо-

Ил. 5. Сельма Осколкофф
Леман – последний полноценный
носитель нинильчикского диалекта
аляскинского русского языка
(1931 г.р.). Фото М. Раскладкиной

Ил. 6. Билл Хартман –
последний носитель кадьякского
городского диалекта аляскинского
русского языка (1930–2020).
Фото М. Бергельсон

Ил. 7. Сонни Чиченофф –
последний носитель афогнакского
диалекта аляскинского
русского языка (1934–2020).
Фото А. Кибрика

минает об этом, и неожиданно из глубины памяти извлекаются куплеты:

Ti skora m'in'a pozabúd'ish i ya ne zabúdu t'ib'á (...) t'i skora m'in'a pozabúd'ish (...) I ya n'i kada n'i kada (...) [Betts Lukin 2008 (Бетти Лукин, род. 1944)].

В интервью также встречаются следующие символические функции языка, отражающие детские воспоминания:

1) Воспитательные моменты — указания родителей, что надо сделать по дому, как себя вести.

One that really comes up number one is chiwó t'i d'élayish. My mom and dad would always ask me that.

And then she'd say zayd'i | id'i s'udá | and n'i náda balawát' [Iver Malutin 2008 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Oh yeah. She spoke English. But (...) she always== like | you know== Do dishes. You go upstairs now. Very strict to me | because I was the only girl. Stupáy nawerh.

Pasúdu wímay. Ayayay! Pol gryazniy! I remember things like that.

And my mother loved to play kart'i igrát'. [Hazel Ardinger 2019 (Хэйзел Ардингер, род. 1939)].

2) Речевые формулы приветствия и прощания:

When somebody come in the house she say «prahad'it'i prahad'it'i». Somebody is leaving – «s bóham» [Raisa Baldwin 2019 (Раиса Балдвин, род. 1931)].

3) Слова, связанные с домашним хозяйством, с готовкой, названия блюд:

R'iba | yáytsi | kartófil'i | másla | sáhar.. Bánk'i... m'ása [Betty Nelson 2008 (Бетти Нельсон, род. 1932)].

У Лауры Олсен (Ларсен), с её сложным русско-аляутско-французско-норвежским наследием, нет спонтанных воспоминаний о русском языке, но когда она рассказывает о своём детстве в Афогнаке, о том, как они с бабушкой готовили стружки для того, чтобы растопить печь, у неё прорывается единственное слово: *rostópk'i* [Laura Olsen 1995 (Лаура Олсен, род. 1905)].

4) Понятия, связанные с православной церковью как важной частью детства и взросления:

Кэтрин Чиченофф (Элланак), дочь псаломщика, активистка возрождения аляутика, припомнила два слова, связанные с церковью: *lampá'd'i* (лампады) и *k'iras'i'n*

Ил. 8. Маскарад в Афогнаке – зимнее фестивальное действо, уходящее корнями в древнюю культуру алютиков, сросшееся с православными рождественскими традициями «хождений со звездой». Маскарад проводится в алютических поселениях в первые три дня после наступления Нового года. Люди в масках ходят по домам, танцуют и предлагают угадывать, кто под ними скрывается.

Источник: *The Native Village of Afognak* [17]

(керосин – им лампы заправлялись) [Kathryn Chichenoff 1998 (Кэтрин Чиченофф, род. 1937)].

Та же языковая реминисценция наблюдается у Николаса Деренова, который был в детстве на Афогнаке церковным служкой у двоюродного деда – чтеца Тихона Шератина: *kađ'ila* (кадило) [Nick Derenoff 2008 (Ник Деренов, род. 1933)].

5) Стихи, песни, потешки – из самых ранних воспоминаний:

Posad'íl d'et r'épku. T'án'it paťán'it i w'itash'it n'i móg'it [Helen Nelson 2008 (Хелен Нельсон, род. 1916)].

...Saróka waróna káshku war'ila na poróke skakál'i góst'i dazhidál'i. Étamu w'ílochku étamu lóshichku étamu n'ichiwó... [Zach Chichenoff 2008 (Зак Чиченофф, род. 1927)].

Хелен Нельсон, употребляя выражение на английском, понимает, что это перевод русского фразеологизма, что демонстрирует её сохранное лингвистическое чутьё.

When I go to the language classes | go to Afognak | and we start having conversations I say "I ==I have to learn to keep my mouth shut" | I said "That's borrowed from the Russian". A lot of the words are borrowed... [Helen Nelson 2008 (Хелен Нельсон, род. 1916)].

Отношение к сохранению языкового наследия

Большинство респондентов в беседе признают важную роль русского наследия в их жизни, многие из них говорят о языке не просто как о неотъемлемой части «русскости», но и как об особо важной, к сожалению, утраченной, части жизни. Понимая невозможность возврата коммуникативных компетенций и осознавая, что процесс межпоколенческой передачи языка разрушен, они, тем не менее, стараются сохранить язык как часть культуры.

Энола Муллан давала возможность своим детям выучить русский язык, её дочери немного говорили и даже внука:

She learnt Russian easily too, 'cause her mom, her mother it's my youngest daughter, learnt Russian quickly and right from the beginning... [Enola Mullan 1993 (Энола Муллан, род. 1905)].

Лоуренс Андерсон демонстрирует искреннюю любовь к русскому языку. Он рассказывает интервьюеру о своей мечте — снова начать читать по-русски, как в детстве, когда священник показывал ему буквы, и просит интервьюера прислать ему из России двуязычную книгу.

I learned 'a ba va ga da ye' (uh) that's the way it went

So it was really nice. And I wanted to learn my first word | I learned like it was 'luná'. Was proud and I read that it= on Russian | 'luná' it was on there [Lawrence Anderson 2008 (Лоуренс Андерсон, род. 1932)].

Айвер Малютин относится к русскому языку с любовью. То малое, чему его научили родители, он старается сохранить. Расстраивается, когда что-то не понимает на русском. Иногда разговаривает с Сонни Чиченовым.

[Well the reason] | that I do... It's something my mom and dad taught me. And I don't want to lose it all. And I just enjoy talking to somebody | when I can talk to somebody. And what little I know | that I= I enjoyed it. I still do. I like people to know | that I know a little bit of Russian, because it really upsets me | when I go talk or going by people in the field that talk, and I can't understand them. So I'll go to Sonny, and I'll start talking with him in Russian. <...> But I really like the Russian myself [Iver Malutin 2008 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Айвер рассказал, что недавно говорил о языке со своей племянницей Оливией, помог ей записать около 200 русских слов. Айвер хочет помочь потомкам сохранить язык как часть своей культуры [Iver Malutin, 2008 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Дочери Глэдис Чиченофф также учили русский язык, причём современный. Глэдис иногда говорит с ними по телефону.

...they speak real well, speak real well English. They understand Russian, but they don't speak it that well. Maria went to Russian school, high school. She's the one a lot of times on the phone we talk Russian. Kathryn understands you know, but now she has all those Russian tapes, France, Asian, Russian and English, this way she learns [Gladys Chichenoff 1993 (Глэдис Чиченофф, род. 1911)].

Зак Чиченов тоскует по церковным песнопениям на русском:

Those beautiful Russian hymns | I miss them. They don't sing much of them anymore... Church song. I miss a lot of them when I go to church [Zach Chichenoff 2008 (Зак Чиченофф, род. 1927)].

Лоуренс Андерсон, несмотря на то, что иногда путается в датах и не может вспомнить годы рождения своих родителей, трепетно относится к прошлому:

Я= Я= Я горжусь своим русским наследием | очень горжусь. (..) И я всегда буду гордиться этим, потому что (..) | моя мама была русской православной и частично алеуткой (..) | и мой дедушка Кашеваров был русским | Я = Я просто горжусь своим русским наследием, потому что | за Кашеваровыми стоит большая история [Lawrence Anderson 2008 (Лоуренс Андерсон, род. 1932)].

Ник Пестриков, несмотря на попытки американской баптистской миссии, куда он попал в детстве после смерти отца, «выбить» из него память о своих русских и аляутских корнях, в старшем возрасте увлёкся историей. В интервью он демонстрирует удивительную осведомлённость: знает, что Узинки были поселением пенсионеров «меховой компании», как он называет РАК, о самоназвании аляутиков и отличии аляутиков от алеутов; помнит своих предков по отцу до «первого русского», его имя, год рождения, подробно описывает русские традиции в Узинках, обряды — сватание, свадьбы, похороны, службы в церкви. «Я потерял многое из того,

что знал», — говорит он [Nick Pestrikoff 2008 (Ник Пестрикофф, род. 1935)]. Однако не потерял, а спрятал внутри себя настолько глубоко, что даже его жена Лили была уверена, что Ник никогда не знал русского [Lilly Pestrikoff 2019 (Лили Пестрикофф, род. 1941)]. Этот факт, несомненно, перекликается с историей Софи Проссер из Нинильчика, которая полжизни не могла решиться признаться мужу, что говорит по-русски.

Выводы

Два фактора предопределили формирование этноязыковой идентичности потомков аляскинских креолов: выделение с 1820-х гг. этнокультурного, этноязыкового сословия креолов и размещение с 1840-х гг. семей колониальных граждан в трёх поселениях на Кенайском полуострове и Кадьякском архипелаге. Эти поселения (Нинильчик, Афогнак, Узинки), созданные Российско-американской компанией, отличались составом первых жителей, последующей историей миграций, степенью интенсивности внешних контактов. Перечисленные особенности повлияли на языковую самоидентификацию и языковую компетенцию как составные компоненты этноязыковой идентичности.

Языковая идентификация, являющаяся частью культурной, в Нинильчике нашла отражение в культивировании «русскости», «замалчивании» аборигенных корней, формировании монолингвальной русскоязычной среды вплоть до начала американских контактов, усвоении русского языка (местного извода) с рождения

как первого примерно до конца 1930-х и существовании русскоговорящего сообщества и русскоязычной семейной коммуникации до середины XX в. Этим процессам способствовало изолированное положение поселения, ограниченность контактов с внешним миром, а также присутствие в небольшом составе первопоселенцев не только креолов, но и русских.

В Узинках, где изначально поселились несколько креольских семей, и в Афогнаке, состоявшем из взаимопроникающих «русской» (креольской) и аляутской частей, не было столь выраженной русскоориентированной локализации населения. Языковая среда была изначально билингвальной, с небольшим приоритетом того или иного языка, до начала интенсивного проникновения в регион носителей английского и других европейских языков. Примерно то же поколение, что и в Нинильчике (1930-х годов рождения), было последним считавшим русский язык родным. Однако в дальнейшем уровень языковых компетенций кадьякцев снижался быстрее, чем у нинильчикцев, что подтверждается сравнением количества носителей к концу XX – началу XXI в. и уровня сохранности языка.

В настоящее время осталось несколько человек старше 80 лет, сохранивших фрагментарные знания аляскинского русского языка, и предположительно 2-3 полноценных носителя. Число людей, идентифицирующих себя как потомков русских, велико, и оно сохраняется в том числе благодаря приверженности православной религии, являющейся неотъемлемой частью русского самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фёдорова С.Г. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М.: ЛомоносовЪ, 2015.
2. Питерская Е.С. Креолы Аляски в свете процессов межкультурного взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 94–104.
3. Гринев А.В. Специфика вертикальной социальной мобильности креольского населения Русской Америки // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 74–89.

4. Black L. Russians in Alaska (1732–1867). USA, AK, Fairbanks: University of Alaska Press, 2004.
5. Mishler C. Black Ducks, Salmon Bellies: An ethnography of Old Harbor and Ouzinkie. Alaska, USA, AK, Department of Fish and Games, 2003.
6. Arndt K. «Released to Reside Forever in the Colonies»: Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska // Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska / Proceedings of a Symposium. Compiled and Edited by N.Y. Davis and W.E. Davis. Cook Inlet Historical Society, 1996.
7. Ratburn R. The Russian Orthodox Church as a Native Institution among the Koniag Eskimo of Kodiak Island, Alaska // Arctic Anthropology. 1981. Vol. 18, № 1. Pp. 12–22.
8. Znamenski A. Dena'ina Orthodox Chapels as a Native Institution (1871–1917) // Acta Americana. 2000. № 2. Pp. 5–22.
9. Orthodox Church in America / Diocese of Alaska – URL: <https://www.oca.org/parishes/> АК (дата обращения: 11.09.2023).
10. Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 29–41.
11. Раскладкина М.К., Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Аляскинский русский язык: история экспедиций в бывшую заморскую колонию России // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 138–152. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-4-138-152.
12. Головкин Е.В. Русский язык на Аляске (по материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.) // Труды Объединённого научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. С. 73–81.
13. Leman Wayne. Agrafer's Children: the Old Families of Ninilchik. Lulu press, 1993 (1st ed.), 1997, 2014, 2016.
14. Корсун С.А. Русское наследие на Аляске // Кунсткамера. Этнографические тетради: Журнал. 2003. Вып. 13. СПб., 2003.
15. Раскладкина М.К., Бергельсон М.Б. «Chainik keepeet...» («The tea kettle is boiling»). История жизни русского сообщества на Аляске // Медиатечения СКФУ: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 27 октября 2017 г.). Ставрополь: Сервисшкола, 2017. С. 68–93.
16. Кибрик А.А., Бергельсон М.Б., Раскладкина М.К. Транскрибирование и социолингвистический анализ полевых и архивных данных: Учебно-методическое пособие для студентов-практикантов. М.: Институт языкознания РАН, 2024.
17. The Native Village of Afognak: Afognak Village Timeline. URL: <https://www.afognak.org/data-recovery/afognak-village-timeline/> (access date: 07.07.2025).
18. Истомин А.А. Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839–1842 гг.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 108–123.
19. Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Аляскинский русский как письменный // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик. С. 32–48.
20. Huggins E. Kodiak and Afognak life, 1868–1870. Canada, Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1981.
21. Daly C. Russian Language Death in an Alaskan village // Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).
22. Bates C., Oleksa M. Conflicting landscapes: American Schooling & Alaska Natives. Anchorage, Alaska, 2008.
23. Daly C. Russian Language fieldwork on Kodiak Island. Unpublished manuscript. Oct. 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

The Ethnic and Linguistic Identity of the Descendants of Alaskan Creoles in Our Days

Marina Konstantinovna Raskladkina — Candidate of Science (Political Studies), leading specialist at the SCANEX Engineering and Technology Center.

E-mail: marina.raskladkina@gmail.com

Russian has been spoken on the North American continent since the middle of the 18th century, when Russia began active trade and fishing, gradually moving eastward along the islands of the Aleutian Ridge to the Alaska peninsula. At first, Russian voyages for marine and fur-bearing animals were irregular, the main idea of industrialists was to gain profit from the resources of New Land. They treated the indigenous people rather harsh, exploiting their hunting and fishing skills. Decades passed before the most ideologically thinking and visionary Russians came up with the idea that they could be hosts here, not guests. Together, they created the Russian-American Company (RAK) in 1799, which solely ruled Alaska until it was ceded to the United States of America. Having left its only overseas colony in 1867, Russia left behind one important thing: the Russian language, which, resulting from contacts with the languages of indigenous peoples, formed a special Russian variety that has survived to date, as well as the Russian Orthodox tradition, followed by many residents of many Alaskan territories.

The research is devoted to the preservation of the ethnic and linguistic identity of the descendants of the Russian colonists. It is based on a corpus of sociolinguistic and ethnographic interviews (1980s — 2020s) with residents of areas with a strong Russian presence, supported by archival records. Adhering to the approaches of linguistic and historical anthropology, the author uses both universal scientific methods and special methods of historical research determined by the unique nature of the problem: chronological problem method, comparative analysis method, systematic method, and content analysis.

Keywords: Alaska, Russian America, Kodiak, Russian language, Russian heritage in Alaska, Creoles, indigenous languages of Alaska, Alutiiq, identity

REFERENCES

1. Fyodorova S.G. Russkaya Amerika: ot pervykh poselenii do prodazhi Alyaski. Konets XVIII veka – 1867 god. M.: Lomonosov, 2015 (in Russian).
2. Piterskaya E.S. Kreoly Alyaski v svete protsessov mezhkul'turnogo vzaimodeistviya // Etnograficheskoe obozrenie. 2007. № 6. S. 94–104 (in Russian).
3. Grinev A.V. Spetsifika vertikal'noi sotsial'noi mobil'nosti kreol'skogo naseleniya Russkoi Ameriki // Etnograficheskoe obozrenie. 2011. № 2. S. 74–89 (in Russian).
4. Black L. Russians in Alaska (1732–1867). USA, AK, Fairbanks: University of Alaska Press, 2004.
5. Mishler C. Black Ducks, Salmon Bellies: An ethnography of Old Harbor and Ouzinkie. Alaska, USA, AK, Department of Fish and Games, 2003.
6. Arndt K. «Released to Reside Forever in the Colonies»: Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska // Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska / Proceedings of a Symposium. Compiled and Edited by N.Y. Davis and W.E. Davis. Cook Inlet Historical Society, 1996.
7. Ratburn R. The Russian Orthodox Church as a Native Institution among the Koniag Eskimo of Kodiak Island, Alaska // Arctic Anthropology. 1981. Vol. 18, № 1. Pp. 12–22.

8. Znamenski A. Dena'ina Orthodox Chapels as a Native Institution (1871–1917) // Acta Americana. 2000. № 2. Pp. 5–22.
9. Orthodox Church in America / Diocese of Alaska — URL: <https://www.oca.org/parishes/> AK (data obrashcheniya: 11.09.2023).
10. Bergel'son M.B., Kibrik A.A. Russkii yazyk na beregakh zaliva Kuka: samoidentifikatsiya kul'tury v usloviyakh izolyatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2018. № 54. S. 29–41 (in Russian).
11. Raskladkina M.K., Bergel'son M.B., Kibrik A.A. Alyaskinskii russkii yazyk: istoriya ekspeditsii v byvshuyu zamorskuyu koloniyu Rossii // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2024. № 1 (Vyp. 49). S. 138–152. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-4-138-152 (in Russian).
12. Golovko E.V. Russkii yazyk na Alyaske (po materialam ekspeditsii 2008 i 2009 gg.) // Trudy Ob"edinyonnogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. 2010. S. 73–81 (in Russian).
13. Leman Wayne. Agrafena's Children: the Old Families of Ninilchik. Lulu press, 1993 (1st ed.), 1997, 2014, 2016.
14. Korsun S.A. Russkoe nasledie na Alyaske // Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi: Zhurnal. 2003. Vyp. 13. SPb., 2003 (in Russian).
15. Raskladkina M.K., Bergel'son M.B. «Chainik keepeet...» («The tea kettle is boiling»). Istoriya zhizni russkogo soobshchestva na Alyaske // Mediachteniya SKFU: Sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', 27 oktyabrya 2017 g.). Stavropol': Servisshkola, 2017. S. 68–93 (in Russian).
16. Kibrik A.A., Bergel'son M.B., Raskladkina M.K. Transkribirovanie i sotsiolingvisticheskii analiz polevykh i arkhivnykh dannykh: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov-praktikantov. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2024 (in Russian).
17. The Native Village of Afognak: Afognak Village Timeline. URL: <https://www.afognak.org/data-recovery/afognak-village-timeline/> (access date: 07.07.2025).
18. Istomin A.A. Nachalo sozdaniya «obshchikh selenii» na ostrove Kad'yak v Russkoi Amerike (1839–1842 gg.) // Etnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 108–123 (in Russian).
19. Bergel'son M.B., Kibrik A.A. Alyaskinskii russkii kak pis'mennyi // Slovo i chelovek: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo / Otv. red. S.M. Tolstaya. M.: Indrik. S. 32–48 (in Russian).
20. Huggins E. Kodiak and Afognak life, 1868–1870. Canada, Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1981.
21. Daly C. Russian Language Death in an Alaskan village // Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).
22. Bates C., Oleksa M. Conflicting landscapes: American Schooling & Alaska Natives. Anchorage, Alaska, 2008.
23. Daly C. Russian Language fieldwork on Kodiak Island. Unpublished manuscript. Oct. 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).